

DOI: 10.17805/zpu.2016.1.13

Коллизии «визуальности — духовности» в межкультурной коммуникации России и Запада

П. Н. Киричѐк

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье анализируется одна из острых проблем современной межкультурной коммуникации — противостояние между двумя видами культур — экранной и книжной. Западная экранная культура оказывает сейчас огромное влияние на духовное пространство России, которое традиционно было книжным.

Импорт «чужих» киноартефактов в периметр российского духовного пространства превышает экспорт «своих» аналогов, кроме того, происходит последовательная «голливудизация» отечественного производства кинофильмов, а именно сценаристики, режиссуры, актерского и операторского мастерства, теряющих наши именные черты — патриотическую историчность, масштабную эпичность, глубокую проблемность, изящную лиричность, тонкую психологичность. Это, по убеждению автора, может обернуться тотальным укоренением в общественной атмосфере полностью перевернутого понимания добра и зла. Безжалостная тирания массовой культуры методично разрушает в россиянах архетип человеческой нравственности сильнодействующими токсинами духовно-практической психотропии.

На повестке дня стоит вопрос о духовном спасении. В рамках государственной культурной политики существуют все возможности преодоления устоявшегося в публичной сфере России визуально-культурного дисбаланса с целью сбережения национального менталитета. Надо вернуть из прошлого диктат культурной бесконечности, разумного, доброго, который распространялся на литературу, театр, живопись, музыку, скульптуру, кинематограф.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; визуальная культура; кинообмен; вестернизация; массовая культура; российское кино

ДИЛЕММА ВЕКА: СМОТРЕТЬ ИЛИ ЧИТАТЬ

В жизни часто одно накладывается на другое — как сейчас в России, где сложность внутренних проблем развития усугубляется обретением страной внешних проблем. Их трансфер, поставленный на конвейер, происходит по различным каналам транснациональных коммуникаций, а средостением проблем становится сегодня

межкультурная их разновидность. Она обладает наибольшей эмпатической мобильностью, исключительной способностью проникать в сопредельное социально-территориальное пространство, несмотря на возможное с его стороны сопротивление ментального свойства.

И в прошлом, и в настоящем на основе межкультурной коммуникации выстраивается международный обмен национальными «продуктами» художественно-информационной деятельности, самой востребованной народами различных стран в силу образной привлекательности и логической доступности ее результатов. Этот обмен имеет свои идеологические (ценностно-смысловые) и технологические (вербально-визуальные) особенности перцептивного процесса, которые обуславливают его структурно-функциональные характеристики.

К сожалению, в действующих механизмах современной межкультурной коммуникации наблюдаются серьезные коллизии идеолого-технологического свойства, особенно в пределах рецептивно-когнитивной дихотомии «визуальность — духовность». Эти коллизии являются следствием неэквивалентной формулы межкультурного кросс-контакта западной и отечественной цивилизаций, что рельефно проглядывает в области кинематографии, где неолиберальный модерн сейчас загоняет в угол высокую классику.

На самом деле уже четверть века Россия находится в сложной для ее бытия ситуации — между «молотом» внешней глобализации и «наковальной» внутренней модернизации. Различной силы удары извне и изнутри принимают на себя все несущие конструкции страны — и политика, и экономика, и культура. Но больше всего, пожалуй, достается последней — происходящее там следует оценивать по гамбургскому счету: устоит ли евразийский тип цивилизации под натиском европоцентристского аналога или суперэтнический феномен русского и русскости исчезнет под флером исторического забвения?

Сейчас в закрученной морским узлом межкультурной коммуникации происходит смертный бой двух связанных с ментальностью видов культур — экранной и книжной. При этом Запад ставит на механизмы визуальности, а Восток — на механизмы вербальности. Конечно, как визуальность, так и вербальность составляют технологический арсенал современной межкультурной коммуникации. И спорить о том, какой компонент из них важнее и нужнее для задуманного коммуникативного эффекта, значит неизбежно впадать в схоластику. Здесь лучше вспомнить из школьной физики закон сообщающихся сосудов, по которому уровень воды в одном из них определяет тот же уровень в другом.

Тем не менее, современный человек, решающий дилемму «смотреть или читать», все чаще выбирает первое, погружаясь в ауру экранной культуры. Это общая тенденция, но чего в ней больше: позитива или негатива, — большой вопрос. С учетом быстрой экспансии телевидения, киноиндустрии, Интернета массовый потребитель артефактной продукции постепенно превращается в коллективного видеофана. Известный итальянский публицист Дж. Кьеза однажды заявил о том, что сейчас возникает новая антропологическая форма людей под названием *homo videns* — человек, который видит (по телевизору), но не способен к критическому восприятию увиденного, — вместо *homo sapiens* (Кьеза, 2002).

Такая трансформация с людьми происходит в основном по причине дефицита в межкультурной коммуникации еще одного, не менее важного и нужного компонента, который придает ей четко определенный уровень интегрированного — вербально-

визуального — качества. Оно связывается с конструктивностью передаваемого коммуникативными средствами содержания или его интеллектуально-эмоциональной консистенции. Этот компонент — духовность, которая обретает особую значимость на переходе информационно-коммуникативного процесса в пространство межкультурных координат транснационального предела.

Вне национальных границ информационно-коммуникативный процесс становится межгосударственным обменом: используемые коммуникаторами вербально-визуальные технологии продвигают по многопрофильным векторам наполняющую пространство межкультурной коммуникации ценностно-смысловую идеологию или свод архетипно различных духовно-практических концептов, несущих в себе ментальный маркер и обладающих уникальной способностью к трансплантации в чужую социально-нравственную среду.

Дальше — больше: в конвертируемом процессе обмена идеями, мыслями, чувствами функции вербальности и визуальности разделяются — первая педалирует в основном сознательное начало в реципиенте (его социогенез), а вторая, наоборот, подсознательное начало (психогенез), причем у визуальности возникает больше шансов на конечный перцептивный успех. Неудивительно, что по силе воздействия на человека сказанное уступает показанному: визуальность, более связанная с психикой потребителя информации, издревле отвечает второй (наряду с первой: хлеба!) его потребности — зрелищ!

Главный секрет здесь кроется в иллюзии жизни (феномене правдоподобия), создаваемой движущимся или застывшим кадром, который фиксирует фрагмент окружающей действительности и психически встраивает в него «смотрящего» человека с его чувствами, адаптированными на реакциях к повседневной жизни. Рассуждая о феномене власти экрана над людьми, К. Э. Разлогов образно называет его «мясорубкой культурного дискурса» (цит. по: Девятова, 2006: 107), которая обладает способностью формировать не только высокие, но и низкие нормы общения и поведения людей.

Однако визуальность должна проходить общественный тест на духовность, ибо за механикой межкультурной коммуникации стоят ее этика и эстетика, не индифферентные к национальному самосознанию. Чем больше в них информации к размышлению, что свойственно в первую очередь книжной культуре, тем выше рейтинг духовности процесса межкультурного общения. Что касается экранной культуры, то, по оценке американского телекритика Д. Кросби, «в ней буквально все предназначается для зрения и ничего для ума, в связи с чем у грядущего поколения будут глаза размером с дыню и никаких мозгов...» (цит. по: Муратов, 2001: 4).

Итак, дуальный механизм «визуальность — духовность», действующий в идеологическом технологическом универсуме межкультурной коммуникации, рельефнее проглядывает в массовой ее разновидности, в частности в ходе международного обмена кинематографической продукцией, где социальная информация ментального характера воплощается в художественно-публицистических образах, обладающих наиболее сильными проникающими свойствами (экспансивными по отношению к психике потребителя).

При этом эффект психического заражения «своего» «чужим» (и наоборот!) способен срабатывать с космической скоростью. По мысли В. Б. Шкловского, зрительное изображение не знает времени, оно мгновенно, и тысячной доли секунды, а при технической съемке еще меньшего времени достаточно для того, чтобы запечатлеть и запомнить явление (Шкловский, 1985: 157–158). Но эта «мгновенность» не безопасна: она сродни уколу в вену, куда за секунду можно ввести как витальный церебролизин, так и летальный цианид...

Так уж в мире повелось, что киноартефактный обмен, помимо кросс-культурного контакта разных стран и народов, имел второй, не менее значимый план — экспорт-импорт своего-чужого образа жизни, основу которого составлял национальный менталитет. И здесь в потенциале уже содержался риск для страны, допустившей дисбаланс в пользу импорта, попасть в духовную (наподобие экономической) зависимость от другой страны. Это и случилось с Россией в 90-х годах XX в., когда она добровольно нарушила пропорции эквивалентного социокультурного обмена с западным миром и открыла все державные шлюзы для свободного проникновения на свою территорию «девятого вала» чужеродной — атлантического покроя — массовой культуры, прежде всего в лице киношных кикбоксеров и терминаторов.

Непроницаемая тень Люциферова крыла западной экранной культуры до сих пор накрывает духовное пространство России — импорт зарубежной кинопродукции хотя и заметно снизился по сравнению с началом 90-х годов XX в., но продолжает оставаться на высоком уровне. По итогам проведенного автором в январе — марте 2014 г. экспресс-анализа еженедельных программ кабельного телевидения (для Москвы и Московской области), на 11 основных каналах (Россия 1, Первый канал, ТВЦ, НТВ, Россия К, СТС, РЕН ТВ, ТНТ, ТВ-3, Перец, Домашний) доля отечественных кинофильмов (российские — 38,2% плюс советские — 6,4%) составляет 44,6%, в то время как удельный вес зарубежных кинофильмов (американские — 44,8% плюс другие иностранные — 8,9%) достигает 53,7%.

Этот киноартефактный дисбаланс означает, что в цивилизационном, по гипотезе С. Хантингтона (см.: Хантингтон, 2003), противостоянии на российской духовной почве (!) родное телевидение подыгрывает атакующим наше культурное пространство иноземцам. Скоординированная извне (и, боюсь, изнутри) художественно-информационная экспансия преследует тотальную вестернизацию отечественного массового сознания с интенсивной переделкой его ментальных основ (традиций, нравов, обычаев, архетипов, мифов), что грозит русскому суперэтосу в конечном счете утратой национальной идентичности. Той самой, где нет места идущему с Запада чужеродному либерально-рыночному фундаментализму: меркантилизму — в экономике, индивидуализму — в политике, утилитаризму — в культуре.

Как это похоже, по аналогии с медициной, на сознательное вредительство, когда человеку одной группы крови по злому умыслу вливают кровь другой группы, что приводит к летальному для него исходу! В то же время действенного интеллектуально-эмоционального противопотока массивированной визуальной атаке на ментальность россиян, ранее предпочитавших смотрению-слушанию чтение-размышление, до сей поры не наблюдается. Нельзя же всерьез считать основательным антивестерным контраргументом убогий в этико-эстетическом смысле отечественный телесериал «Особенности национальной... (охоты, рыбалки, политики)», где русский человек выставлен туземно-дремучим персонажем, постоянно одурманенным «огненной водой». Зато исполнитель главной роли был награжден на «Кинотавре» первым по значимости актерским призом, что означало (на старый лад): «Верной дорогой идете, господа мастера российского кино!»...

«ТРОЙНАЯ УХА» КИНОИМПОРТА

На самом деле это парадокс: Россия по собственному почину «разрешила» в конце XX в. на своей территории широкую интервенцию злого, суетного, преходящего в иностранном кинообличье против народной ментальности. Она позволила зарубеж-

ным киномефистофелям наладить в родных палестинах конвейерный сбыт вредных шлаков гуманитарного производства атлантического образца, а самой добровольно превращаться в громадный антидуховный могильник с непрерывно излучавшейся радиацией, невидимо поражающей нравственные гены сразу нескольких поколений людей. (Один пример из «ужасных» 1990-х годов: выпущенный немцами за пределами сексуальный (читай: порнографический!) кинофильм «Калигула» в самой Германии запретили к показу, а в России его закупили и пустили в прокат).

И сила негативной инерции в данном случае не ослабевает. Как и вчера, иностранная кинодьяволиада продолжает сегодня вовлекать россиян в затяжную полосу раскультуривания общества, распада гуманизма и разора евразийской морали. Голливудский «видеоСПИД» за четверть века свободного гулянья на духовных просторах России сумел проникнуть в ядро нашей киноиндустрии и фактически переделал отечественных сценаристов, режиссеров, артистов в креативных полуамериканцев — под сладкоречивые высказывания о свободе творчества нескольких сменивших друг друга руководителей отечественного синемосоюза. И замелькали в русских кинолентах, в частности в однообразных криминальных сюжетах, образы честных и подлых «ментов» — различных норрисов, сигалов, ван даммов, только с нашими именами и фамилиями, но перенявших все американские повадки...

Риск для страны здесь большой: дело может обернуться тотальным укоренением в нашей общественной атмосфере полностью перевернутого понимания добра и зла, о чем предупреждал людей еще У. Шекспир: «В наш жирный век добродетель должна просить прощения у порока за то, что она существует» (цит. по: Борохов, 2000: 398). Говорят, что зло самовоспроизводится в каждом новом поколении людей: в таком случае вся жизнь человека есть медленное, по капле, выдавливание из себя — нет, не раба (по А. П. Чехову), а греха, если, конечно, человек сам того захочет и если ему позволят обстоятельства, в том числе культурные...

Кстати, о культурных обстоятельствах. Как известно, вековая народная мудрость предостерегает: не буди в человеке зверя, который в нем скрывается под присмотром культурных сторожей. Однако вопреки этой заповеди атлантическая масскультура в импортной кинооболочке с консистенцией «тройной ухи» (чернухи, мокрухи, порнухи) прodelывает прямо противоположное, утверждая в качестве моральных норм неадекватные российскому менталитету жизненные приоритеты.

Во-первых, культ силы. Как правило, в киновестерне не обходится без крутого рукоприкладства (фильмы «Разборки в Сан-Франциско», «Хранитель», «Кровавый спорт» и др.): обычно мускулистые «герои» в ссорах бьют друг друга руками и ногами — смачно, размашисто, со звериным кайфом, метя в челюсть, живот, пах, темнея взором, свирепея лицом и превращая живую плоть в отбивную котлету с лужей крови. И где же тут устоять восточнославянскому «предрассудку» — не причиняй другому боли?!

Да, было в нашей стране время, когда людей с детства воспитывали в стойком неприятии рукоприкладства. Помнится, в школе мальчишки, выставленные с позором перед классом, краснели за пощечину, данную сверстнику в мимолетной подростковой ссоре: «Ты ударил че-ло-ве-ка! Проси у него прощения...» Ну и вообще умелые драчуны ценились в мальчишеской среде до 14–15 лет, а дальше в авторитет входили умники-разумники, бравшие не силой, а интеллектом.

Увы, масскультурное кино за пределами концентратом мордобоя насаждает сейчас обратное: варварская зубодробилка — вещь вполне обычная, и ударить другого

по лицу так же легко, как пропустить за ленчем порцию виски. Опять же, зачем мужчинам выяснять отношения в беседах по душам, тем более в судах и на собраниях? Есть ведь другой способ, короткий и эффективный — кулачное право...

Во-вторых, культ оружия. Обычно в киновестерне не обходится без усиленной пальбы (фильмы «В осаде», «Первая кровь», «Универсальный солдат» и др.): источающее зло оружие, сопровождаемое сочными шлепками пуль о бугристые торсы киногероев, претендует на то, чтобы стать обычным атрибутом повседневного обихода россиян, хотя оно никогда не сопрягалось с их бытом, поскольку было противопоказано нормальному человеческому существованию.

Естественно, потенциальная смертоносность пистолета, винтовки, автомата отвращала людей со здоровой психикой. Их враждебная исключительность увязывалась с небольшими группами уголовников. Законный же допуск к оружию имели только люди в мундирах — армейских и милицейских. И культ безоружия у гражданских россиян, жизни которых до печально известной перестройки ничто не угрожало, являлся нормой их бытия.

Теперь в масскультурном кино навязывается иное: стрельнуть в другого человека так же просто, как в детстве швырнуть снежком в прохожего, а все остальное — приступы рвоты, что закон жизни переступил, или душевные муки, что «смертоубийцем» стал, — все это славянские всхлипы как пережитки прошлого. За эффектной пальбой по пятам шествует другая мораль, чуждая нашей отечественной, которая даже смерть супостата считала вынужденным злом, хотя и сделанным во имя конечного добра. Любой наш праведник, убивший в бою заклятого супостата в ситуации лицом к лицу: если не ты его, то он тебя, обрекал себя на последующие терзания, ибо преступал библейскую заповедь «не убий».

В-третьих, культ секса. Обычно в киновестерне не обходится без постельной сцены (фильмы «Греческая смоковница», «Основной инстинкт», «Девять с половиной недель» и др.): масскультурный кинематограф подает отношения мужчины и женщины в качестве высшего постельно-генитального пилотажа — свершающееся на экране чувство-действие порой трудно назвать даже сублимированной любовью, ведь она обычно высушивается до отточенно-выразительной техники спаривания. В киносексе атлантический искус низводит предельно сокровенный момент человеческого естества, оскверняемого чужим взглядом, из прозрачного космоса в мутно-зловонную лужу, где спариваются людеподобные инфузории.

О. Бальзак говорил, что любовь — удивительный фальшивомонетчик, постоянно превращающий не только медяки в золото, но нередко и золото в медяки. Первого превращения в визуальной масскультуре ничтожно мало, зато второго — сколько угодно: в атлантическом кино обычно происходит цивилизно-циничное осмеяние любовных стенаний восторженно-мечтательных поэтов от Ф. Петрарки с его Лаурой до С. Есенина с его Шаганэ.

Здесь свою мораль зрителю выдают культуристы-сексозавры, играющие с партнершами в камасутринского подкидного и сводящие «любовную химеру» к сильно приятной телесно-чувственной операции с немудреной технологией, где есть либидо, есть фрикции, есть оргазм, есть, наконец, постельная гимнастика. А лунные мечтания девицы Ассоль и звездные переживания принца Грэя — все это, мол, наивные рассказы для высокоморальных дурачков. Как и библейская заповедь «не прелюбодействуй»...

Легко представить, какая антидуховная перелицовка происходит с россиянами от массируемого их пичканья киноимпортным озверином в течение многих лет.

Ф. И. Раззаков пишет: «Планомерно и целенаправленно мы отучаем, особенно телевизионным экраном, отучаем человека думать, размышлять. А потом удивляемся: человек есть, а гражданина нет!.. Когда-то в старину беременным женщинам запрещали смотреть на пожар: чтобы ребенок был здоров. Но ведь то, что мы иногда смотрим теперь на экране, особенно на телевизионном... в сто тысяч раз вреднее, чем пожар для беременных» (Раззаков, 2013: 52).

На самом деле, благовоспитанного гражданина России в лучшие часы его суточно-го бытия окатывают визуальными помоями бездуховности, а зерна разумного, доброго, вечного понуждают искать в терриконах лжи, насилия и разврата. Безжалостная тирания массовой культуры методично разрушает в россиянах архетип человеческой нравственности сильноедействующими токсинами духовно-практической психотропии. А возможные для применения в киносфере правительственные регуляторы культурной политики государства ржавеют от преднамеренного бездействия.

ДИКТАТ КУЛЬТУРНОЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Между тем на повестке дня стоит вопрос о духовном спасении русского человека, который подвергается непрерывной обработке визуально-токсической (и не только!) смесью злого, порочного, суетного, а не разумного, доброго, вечного — всего того, что что сеять в обществе отечественная интеллигенция, следуя социально-нравственному долгу, обязалась на все времена. И явная угроза проистекает в первую очередь от трех механизмов масскультурной кинопродукции, негативно воздействующих на исходное состояние личности:

а) упрощение (раскультуривание) биогенеза человека («живем на свете один раз и берем от жизни все — от обильного жора до потрясного секса!»), что означает экстенсификацию материального начала в человеческой жизни: это приводит к объемному или пространственно-временному увеличению его роли в бытии индивида в гораздо больших размерах, чем необходимо для нормального удовлетворения физиологических потребностей в пище, жилье, одежде, сексе, комфорте и др.;

б) снижение (раскультуривание) социогенеза человека («жена, да квартира, да счет текущий — вот это — отечество, райские кущи!»), что означает ослабление идентификационного начала в человеческой жизни: это приводит к объемному или пространственно-временному уменьшению его роли в бытии индивида до такого размера, который уже не обеспечивает полного удовлетворения социальных потребностей в профессии, карьере, статусе, семье и др.;

в) инфицирование (раскультуривание) психогенеза («в жизни нет друзей, а есть партнеры и конкуренты, да и совесть с моралью — все это химеры!»), что означает смешанный (экстенсивно-интенсивный) регресс духовного начала в человеческой жизни: это приводит к объемному или пространственно-временному уменьшению его роли в бытии индивида.

«В России мы имеем поколение, у которого слова “долг”, “честь”, “совесть” уже не в обиходе. Выгода, деньги, карьера, специальность, профессиональный успех, но сначала деньги, т. е. прагматическая, практическая, материальная сторона на первом плане», — утверждает И. М. Ильинский (Ильинский, 2010: 73). И это результат тотальной системы образования без воспитания с аморальным конвейером «зрелищ», внедренной в стране в начале 90-х годов прошлого века и устранившей ранее существовавший между публичной и бытовой сферами культурный фильтр, не позволявший злomu, порочному, суетному началам инфицировать атмосферу в обществе.

И все же выход из масскультурного тупика, куда российских граждан загоняют не экранированные государством риски глобализации и модернизации, есть: надо всем вместе — и народу, и власти — начать всерьез, но без паники спасаться от угрозы духовного одичания, индуцированного конвейерным накатом визуальности без духовности, причем не только иноземной, но и доморощенной, вроде кинофильмов «Асса» С. Соловьева, «Воры в законе» Ю. Кары, «Маленькая Вера» В. Пичула, «Меня зовут Арлекино» В. Рыбарева, «Интердевочка» П. Тодоровского, «Фанат» В. Феоктистова, «Семья вурдалаков» И. Шавлака и Г. Климова, «Телец» А. Сокурова, «Штрафбат» Н. Достая, «Сволочи» А. Атанесяна, «Утомленные солнцем 2: Цитадель» Н. Михалкова. И на первом этапе уразуметь, что повседневная борьба в публичной сфере с антиморалью, подталкивающей человека на обратный путь эволюции — к обезьяньим предкам, ничуть не противоречит имиджу демократической страны.

Нет, матушке России в духовно-нравственном плане нечему учиться у тетушки Америки (в отличие от плана материально-технического). Нам нужно вернуть из прошлого, которое бывает более достойным, чем настоящее, диктат культурной бесконечности, довлевший над всеми отраслями духовного производства — литературой, театром, живописью, музыкой, скульптурой, кинематографом. Тогда этот диктат разумного, доброго, вечного всемерно, с помощью различных моральных и материальных средств, поддерживался государственной властью, осуществлявшей четко выстроенную культурную политику по внутреннему и внешнему векторам.

Все это либеральные байки, что сей диктат мешал свободе творчества художника. Иначе не выходили бы у нас такие киношедевры, как «Весна на Заречной улице» М. Хуциева и Ф. Миронера, «Идиот» И. Пырьева, «Судьба человека» С. Бондарчука, «Девять дней одного года» М. Ромма, «Гамлет» Г. Козинцева, «Зоя» М. Богина, «Доживем до понедельника» С. Ростоцкого, «Мертвый сезон» С. Кулиша, «Шестое июля» Ю. Карасика, «Освобождение» Ю. Озерова, «Белое солнце пустыни» В. Мотыля, «Белорусский вокзал» А. Смирнова, «Проверка на дорогах» А. Германа, «Семнадцать мгновений весны» Т. Лиозновой, «Романс о влюбленных» А. Михалкова-Кончаловского, «Ирония судьбы, или С легким паром!» Э. Рязанова, «Место встречи изменить нельзя» С. Говорухина, «Дважды рожденный» А. Сиренко и др.

И не будь той позитивной ауры в обществе и государстве, культивировавшими в социальной среде высокую духовность, вряд ли бы у нас появились великие киноартисты — В. Тихонов, И. Смоктуновский, М. Ульянов, Ю. Яковлев, С. Лавров, М. Жаров, Н. Крючков, М. Козаков, О. Табаков, Ю. Борисова, Э. Быстрицкая, Н. Мордюкова, З. Кириенко, Т. Пельтцер, Т. Доронина, В. Лановой, А. Папанов, Ю. Никулин, С. Бондарчук, Е. Леонов, Г. Жженов, В. Высоцкий, А. Миронов, М. Боярский, Ю. Соломин, А. Кузнецов, С. Любшин, О. Янковский, Д. Банионис, Р. Адомайтис, А. Джигарханян, С. Закариадзе, Ю. Ярвет и др., состязаться с которыми в актерском умении для нынешних мастеров российского кино (не в обиду им будет сказано!) — все равно что боксеру-мухачу выходить на ринг с тяжеловесом...

Как следствие, конвейерный труд больших профессионалов — сценаристов, режиссеров, артистов — выдавал на выходе высокий с точки зрения духовности визуальный продукт, который окультуривал человека, совершенствовал его природу, улучшал мысли, чувства, поступки людей. Любой тогдашний отечественный кинофильм (один в большей, другой в меньшей степени), во-первых, усложнял биогенез личности («мы живем не для того, чтобы есть, а едим для того, чтобы жить!»), во-вторых, возвышал ее социогенез («только в сообществе себе подобных человек становится

ся личностью мыслящей и действующей, смотрясь, как в зеркало, в другого человека!»), в-третьих, очищал психогенез личности («здоровому телу — здоровый дух, жизнь его выше жизни плоти и от нее не зависима!»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопреки расхожему мнению, прежний биполярный мир держался не только на ядерно-оружейном равновесии. Другим не менее, если не более, важным фактором вселенского консенсуса считалось распределение цивилизационных ролей между великими странами: один полюс мира материальный — им являлась Америка; другой полюс мира духовный — им являлась Россия. И общемировой прогресс отличался двусторонней социальной динамикой: с Запада он индуцировался материально-техническими импульсами, а с Востока — духовно-нравственными аналогами.

Пока соблюдалось это «разделение труда» и происходил паритетный обмен материальными и духовными ценностями, мир удерживался на прочной оси индивидуального и коммунитарного равновесия. К сожалению, человек не умеет хранить то, что он имеет. И стоило только прежний обмен превратить в односторонний процесс сбыта на Восток масскультурных артефактов, производимых на Западе, как эта ось зашаталась и мир вошел в череду нескончаемых конфликтов: по внешним признакам — военно-политических, а по внутренним — культурно-цивилизационных.

Чтобы дальше не искушать судьбу и остаться в мировой истории великой державой, России нужно возвращаться к своим евразийским социокультурным истокам. И в рамках четко продуманной государственной культурной политики наличествуют все возможности для преодоления устоявшегося в публичной сфере страны визуально-культурного дисбаланса с целью сбережения национального менталитета. Начинать нужно с социально-нравственной адсорбции зараженной атлантизмом экранной культуры. И в первую очередь наводить порядок на отечественном телевидении. Как заметил А. А. Бобров, это «сложный медиаресурс, где информирование соседствует с манипулированием» (Бобров, 2015: 28).

Ну и параллельно следует всем россиянам — и народу, и власти — заниматься возрождением своей духовно-практической первоосновы — книжной культуры в ее классическом (этико-эстетическом) варианте, не приемлющем либерального фундаментализма с его рыночным чистоганом. Большие надежды в этом плане патриотической интеллигенцией возлагались на только что прошедший в России Год литературы. Увы, они мало в чем оправдались...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров, А. А. (2015) ТВ — медипросвещение или медиараствление // Высшее образование для XXI века : XII Междунар. науч. конф., Москва, 3–5 декабря 2015 г. : доклады и материалы. Круглый стол «Современные тенденции медиаобразования» / отв. ред. О. Е. Коханая. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 113 с. С. 19–29.

Борохов, Э. А. (2000) Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). М. : АСТ. 720 с.

Девятова, О. Л. (2006) Музыка в экранном медиaprостранстве: проблемы, решения, перспективы // Экранная культура в современном медиaprостранстве: методология, технологии, практики : сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Н. Б. Кирилловой, К. Э. Разлогова и др. М. ; Екатеринбург : ИПП «Уральский рабочий». 284 с. С. 106–116.

Ильинский, И. М. (2010) Русский мир в глобальном мире: внутренние и внешние факторы развития // Русский интеллектуальный клуб : стенограммы заседаний и другие материалы. Кн. 7 / под науч. ред. И. М. Ильинского ; отв. ред. В. А. Луков, А. И. Фурсов. М. : Социум. 208 с. С. 72–76.

Кьеза, Дж. (2002) Демократии угрожает не Хусейн, а СМИ — средства манипуляции сознанием [Электронный ресурс]// ЦентрАзия. 22 октября. URL: <http://centrasia.ru/newsA.php?st=1035233580> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 12.12.2015).

Муратов, С. А. (2001) ТВ — эволюция нетерпимости (История и конфликты этических представлений). М. : Логос. 240 с.

Раззаков, Ф. И. (2013) Индустрия предательства, или Кино, взорвавшее СССР. М. : Алгоритм. 416 с.

Хантингтон, С. (2003) Столкновение цивилизаций. М. : АСТ. 603 с.

Шкловский, В. Б. (1985) За 60 лет: Работы о кино. М. : Искусство. 573 с.

Дата поступления: 15.12.2015 г.

COLLISIONS BETWEEN “VISUAL PERCEPTION” AND “SPIRITUALITY”
IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

P. N. KIRICHEK

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article examines one of the most acute problems in contemporary intercultural communication — a confrontation between two types of cultures: those of the screen and book. The Western film culture currently exercises a huge impact on Russia’s mind, — the role that has traditionally been assigned to the book.

The import of the ‘alien’ cinematographic artifacts into the Russian mind exceeds the export of Russian-made movies. Besides, national film production undergoes a consistent ‘Hollywoodization’. Scripts, the arts of directing, acting and camera operating lose such traditional features as patriotic historicity, largescale epic nature, focusing on profound problems, elegant lyricism and subtle psychology. In our opinion, this may lead to a total reversion of the ideas of good and evil. A relentless tyranny of mass culture methodically destroys the archetype of human morality in the minds of Russians by injecting powerful toxins of mental and practical psychotropic activities.

Mental safety has now become an item on the short-term agenda. The national cultural policy provides all the means required for overcoming the long-standing visual and cultural disbalance in the public sphere of Russia. To preserve the national mentality, it is necessary to re-submit to the cultural dictate of the infinite, to the supremacy of intelligence and kindness which used to dominate literature, theater, painting, music, sculpture and cinema.

Keywords: intercultural communication; visual culture; film exchange; Westernization; mass culture; Russian cinema

REFERENCES

Bobrov, A. A. (2015) TV — mediaprosveshchenie ili mediarastlenie [TV — media education or media corruption]. In: *Vysshee obrazovanie dlia XXI veka : XII Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, Moskva, 3–5 dekabria 2015 g. : doklady i materialy. Kruglyi stol «Sovremennye tendentsii mediaobrazovaniia»* [Higher Education for the 21st Century : Proceedings and materials of the 12th International conference, Moscow, December 3–5, 2015 : Roundtable “Current Tendencies in Media Education”] / ed. by O. E. Kokhanaia. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ. 113 p. Pp. 19–29. (In Russ.).

Borokhov, E. A. (2000) *Entsiklopediia aforizmov (Mysl’ v slove)* [Encyclopedia of aphorisms (Thought in word)]. Moscow, AST Publ. 720 p. (In Russ.).

Deviatova, O. L. (2006) Muzyka v ekrannom mediaprostranstve: problemy, resheniia, perspektivy [Music in on-screen media space: Problems, solutions and prospects]. In: *Ekrannaia kul’ tura v sovremennom mediaprostranstve: metodologiya, tekhnologii, praktiki* [Screen culture in contemporary media space: Methodology, technologies, practice] : Proceedings of the All-Russian research-to-practice conference / ed. by N. B. Kirillova, K. E. Razlogov et al. Moscow ; Ekaterinburg, Ural’skii rabochii Publ. 284 p. Pp. 106–116. (In Russ.).

Ilinskiy, I. M. (2010) *Russkii mir v global'nom mire: vnutrennie i vneshnie faktory razvitiia* [The Russian world in the global world: Internal and external development factors]. In: *Russkii intellektual'nyi klub* [Russian intellectual club] : Proceedings of meetings and other materials. Bk. 7 / ed. by I. M. Ilinskiy, V. A. Lukov and A. I. Fursov. Moscow, Sotsium Publ. 208 p. Pp. 72–76. (In Russ.).

Chiesa, G. (2002) *Demokratii ugrozhaet ne Khusein, a SMI — sredstva manipulatsii soznaniem* [Media as means of mind manipulation, and not Saddam Hussein, is the main threat to democracy]. *TsentrAzia*, October 22. [online] Available at: <http://centrasia.ru/newsA.php?st=1035233580> [archived in WebCite] (accessed 12.12.2015). (In Russ.).

Muratov, S. A. (2001) *TV — evoliutsiia neterpimosti (Istoriia i konflikty eticheskikh predstavlenii)* [TV — the evolution of intolerance (History of ethical ideas and their conflicts)]. Moscow, Logos Publ. 240 p. (In Russ.).

Razzakov, F. I. (2013) *Industriia predatel'stva, ili Kino, vzorvavshee SSSR* [The industry of betrayal, or the Cinema that blew up the USSR]. Moscow, Algoritm Publ. 416 p. (In Russ.).

Huntington, S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii* [The clash of civilizations]. Moscow, AST Publ. 603 p. (In Russ.).

Shklovskii, V. B. (1985) *Za 60 let: Raboty o kino* [In 60 years: Writings on cinema]. Moscow, Iskusstvo Publ. 573 p. (In Russ.).

Submission date: 15.12.2015.

Киричѐк Петр Николаевич — доктор социологических наук, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-60-91. Эл. адрес: kpn54@yandex.ru

Kirichek Petr Nikolayevich, Doctor of Sociology, Professor, Department of Journalism, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-60-91. E-mail: kpn54@yandex.ru